

Фотоальбом городской семьи

Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей...
с терпением будем проходить предлежащее нам поприще.
(Евр. 12, 1)

В 1963 году я прочитал книгу «Свидетельство Духа», написанную баптистским богословом Бернардом Раммом.¹³⁶ Мне всегда нравилось изучать историю, но Рамм вдохновил меня на это еще больше. Начиная с первого века, Святой Дух постоянно поставлял лидеров в церкви и укреплял тело Христово. Я всегда рассматривал описание Павлом даров Духа в Еф. 4, 11-15 применительно к своей жизни, то есть я должен, будучи пастором, созидать тело Христово. Рамм напомнил мне, что пренебрежение дарами Святого Духа в любое время или в любом месте было своеобразной хулой на Духа и отрицанием дара учительства в церкви. Деяние Духа – это общий опыт множества людей, ведущий к большим изменениям.

На манер изложения материала в первой главе Евангелия от Матфея я бы хотел вам показать свой городской семейный фотоальбом, где вы увидите людей, которые были моей исторической группой поддержки на протяжении нескольких десятилетий. Конечно, этот просмотр будет всего лишь беглым обзором, однако при желании туда можно добавить сколько угодно фотографий.

¹³⁶ Bernard Ramm, *The Witness of the Spirit* (Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1960).

Душа города (II век)

Примерно в 140 г. н. э. римскому государственному чиновнику написали письмо, в котором говорилось, что христиане не представляют угрозы для города. Напротив, их следует считать совестью или душой города. Это анонимное «Послание к Диогнету» дает нам прекрасный фотоснимок того, как ранние христиане, жившие в городах, видели роль церкви в мире. Я приведу здесь часть этого письма, чтобы вы могли увидеть все детали на этой фотографии:

Христиане не различаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями. Они не населяют где-либо особенных городов, не употребляют какого-либо необыкновенного наречья, и ведут жизнь ни в чём не отличную от других. Только их учение не есть плод мысли или изобретение людей, ищущих новизны, они не привержены к какому-либо учению человеческому как другие, но обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни. Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество – чужая страна. Они вступают в брак, как и все, рожают детей, только не бросают их. Они имеют трапезу общую, но не простую. Они во плоти, но живут не по плоти. Находятся на земле, но суть граждане небесные. Повинуются постановленным законам, но свою жизнь превосходят самые законы. Они любят всех и всеми бывают преследуемы. Их не знают, но осуждают, умерщвляют их, но они животворятся; они

бедны, но многих обогащают. Всего лишены, и во всем изобилуют. Бесчестят их, но они тем прославляются; клеветуют на них, а они оказываются праведны; злословят, а они благословляют; их оскорбляют, а они воздают почтением; они делают добро, но их наказывают, как злодеев; будучи наказываемы, радуются, как будто им давали жизнь. Иудеи вооружаются против них как против иноплеменников, и эллины преследуют их, но враги их не могут сказать, за что их ненавидят. Словом сказать: *что в теле душа, то в мире христиане. Душа распространена по всем членам тела, и христиане по всем городам мира.* Душа, хотя обитает в теле, но не телесна, и христиане живут в мире, но не суть от мира. Душа, будучи невидима, помещается в видимом теле; так и христиане, находясь в мире, видимы, но богопочтение их остается невидимо. Плоть ненавидит душу и воюет против нее, ничем не будучи обижена, потому, что душа запрещает ей предаваться удовольствиями, так и мир ненавидит христиан, от которых он не терпит никакой обиды, – за то, что они вооружаются против его удовольствий. Душа любить плоть свою и члены, несмотря на то, что они ненавидят ее, и христиане любят тех, которые их ненавидят. Душа заключена в теле, но сама содержит тело; так и христиане, заключенные в мир, как бы в темницу, сами сохраняют мир. Бессмертная душа обитает в смертном жилище; так и христиане обитают, как пришельцы, в тленном мире, ожидая нетления на небесах. Душа, претерпевающая голод и жажду, становится лучшею, и христиане, будучи наказываемы, каждый день более умножаются. Так славно их положение, в которое Бог определил их и от которого им отказаться нельзя.¹³⁷

137 “Letter to Diognetus,” ed. and trans. Eugene R. Fairweather in

Хотя в этом послании можно увидеть влияние греческой мысли, далеко не все христиане разделяли платоническую неприязнь к материальному. Наоборот, они верили, что Бог повелел им не уклоняться от назначенного им положения. Итак, через сто лет после земной жизни Христа, христианский лидер сплотил верующих, чтобы они стали душой города.

Городские ясли-сад (II век)

Каирский епископ Самуил передал мне еще одну ценную фотографию, когда описал женщин-диаконов в египетском городе II века. Самуил был блестящим коптским ученым и учителем. Он сидел за президентом Садатом во время его убийства в 1981 году и был убит одним и тем же шквалом пуль. Я встретился с ним за несколько лет до его смерти, и он рассказал мне, как христианство распространялось в Египте: во II веке женщины-христианки оказывали помощь кормящим матерям, которые сидели на общественных площадях, часто под языческими статуями, в то время как другие христианки ходили по улицам и собирали брошенных ночью младенцев. Они забирали их, кормили, купали и воспитывали. Так росла церковь в Египте. Ранняя церковь отреагировала на проблему своего города – брошенных детей.¹³⁸

The Library of Christian Classics: Early Christian Fathers, vol. 1, ed. Cyril S. Richardson, chaps. 5-6, pp. 216-18. (Пер. П. А. Преображенского. Курсив автора. – Прим. перев.)

¹³⁸ Впервые я встретился с епископом Самуилом в марте 1976 года.

Городские сборщики мусора (I век)

И. А. Джадж и Л. Мамфорд показывают фотоснимки ранних верующих, которые были ремесленниками, вольноотпущенниками и рабами.¹³⁹ Другие авторы описывают, как христи-

139 E. A. Judge, *The Social Patterns of Christian Groups in the First Century* (London: Tyndale, 1960), and Lewis Mumford, *The City in History: Its Origins, Its Transformations, Its Prospects* (New York: Harcourt Brace & World, 1961). Мамфорд документально подтверждает упадок гуманного отношения в греческих и римских городах. Он отмечает, что «начиная с IV века, людей стали заменять здания» (р. 170-71). «Римская империя, – говорит он, – была продуктом единого расширяющегося городского центра власти... что само по себе можно назвать гигантским градостроительством» (р. 205). Ясная картина унижения и беззакония возникает из недавних археологических исследований самого Рима. В своем исследовании культуры ранних христианских веков Мамфорд приводит расширенные цитаты из трудов археолога Ланчани (Lanciani). Вот одна из многих цитат: «Вообразить идею римского карнариума, расположенных рядом друг с другом ям, куда в беспорядочном множестве сбрасывали людей, зверей, тела и туши и разного рода неприличные останки. Представьте себе, каковы были условия жизни в этих ужасных районах во времена чумы, когда ямы (*puticoli*) были открыты днем и ночью... заполненные трупами, брошенными до тех пор, пока они не достигнут уровня улицы» (р. 217). Историки знают, что по мере того, как Рим рос, а его система эксплуатации расширялась, разложение стремительно распространялось среди масс, живших в «тесных, шумных, лишенных свежего воздуха, грязных, зараженных кварталах, выплачивая грабительскую ренту беспощадным домовладельцам, подвергаясь ежедневным унижениям, доведившим их до звериной злобы и, в свою очередь, требовавшим какой-то компенсационной отдушины» (р. 221). Все это происходило в Риме, самом большом и наилучшим образом управляемом городе за пятнадцать столетий, с населением на раннем этапе христианства от 800 000 до 1 200 000 человек, большинство из которых проживало в многоквартирных четырех-пятиэтажных домах, без общественной санитарии, но в большинстве случаев с доступом к полиции и пожарной охране. Мамфорд продолжает: «Хотя римляне создавали религиозную инфляцию,

ане, подобно сборщикам мусора, собирали и хоронили раздутые, больные тела, которые сбрасывались в мусорные кучи. Почему христиане вообще пошли на эти мусорные свалки? Вот что пишет Мамфорд:

придумывая особого бога на каждый случай жизни, единственным верховным богом, которому они действительно поклонялись, было тело... общественная баня была его храмом» (р. 226). В одном кратком комментарии Мамфорда мы видим то, что поражает этого социолога и кажется важным для нашего обсуждения: «Более того, христианские наследники Рима, несмотря на их особые воспоминания об арене и тяжелом прошлом в катакомбах, выбрали Рим как краеугольный камень, на котором строится новая городская цивилизация» (р. 238). В эти городские центры пришли евреи диаспоры. «Они, – говорит Филипп Шафф, – были столь же вездесущи в Римской империи I века по Р. Х., как и в нынешнем христианском мире» (Филипп Шафф. *История христианской церкви. Т. 1: Апостольское христианство 1-100 г. по Р. Х.* [СПб.: «Библия для всех», 2010], с. 66). В исследовании под названием «Еврейские государства и рассеяния» (*The Jewish Commonwealths and the Dispersions*), главной целью которого не была апология иудейской религии, Сало Барон делает следующие замечания относительно появления синагоги в городском контексте: «Синагога была одним из наиболее важных и революционных установлений в истории религии. Она не зависела от священной местности или профессионального священства» (in H. D. Lasswell and Harland Cleveland, eds., *The Ethic of Power: The Interplay of Religion, Philosophy and Politics* [New York: Harper, 1962], pp. 3-21; см. также Karl Baus, “Apostolic Community to Constantine,” [New York: Herder & Herder, 1965], pp. 152-54).

Иосиф Флавий цитирует историка Страбона в связи с этим: «[Иудеи] проникли уже во все города, и нелегко найти какое-либо место на земле, где не нашлось бы это племя и которое не было бы занято им» (*Иуд. древн.* 14.7.2). Затем Страбон объясняет роль евреев в египетских городах. Следовательно, мы можем говорить не только о стремительном росте римской империи, но и об анклавах перемещенных народов, которые поселялись в городах империи. Эти демографические факторы вместе с возникновением синагоги служат ключевыми элементами в миссионерской стратегии Павла и его спутников.

Христианское ожидание усиления зла – греха, страдания, болезни, слабости и смерти – было ближе к реалиям этой распадающейся цивилизации, чем любое кредо, основанное на старых представлениях о «жизни, процветании и здоровье». Вместо того чтобы уклоняться от уродливых реалий своего времени, христиане приняли их. Делая добровольно то, чего избегали язычники, они обезвредили и в какой-то мере победили силы, угрожавшие им. Они посещали больных; они утешали вдов и сирот; они обращали голод, болезни и нищету в повод для общения и проявления любви.¹⁴⁰

Верующие позволили Христу, живущему в них, противостоять уродливой действительности своего времени и изменить ее. Их вера побуждала их собирать младенцев и тела. И я спрашиваю себя: *влияет ли мое богословие на привычный уклад жизни?*

Тертулиан (III век)

Тертулиан, известный североафриканский адвокат, насмеялся над империей, говоря: «Мы существуем со вчерашнего дня, и наполнили собою все ваши места: города, острова, крепости, муниципии, места собраний, самые лагеря, трибы, декурии, дворец, сенат, форум. Одни только храмы ваши мы оставили вам».¹⁴¹ Ранние христиане проникли в города, но не с требованием места для церковных зданий или своих программ. Они проникли в жизнь горожан. И это важный урок для меня.

140 Mumford, *The City in History*, pp. 243-44.

141 *Tertullian Apology* 37. (Перевод Н. Н. Щеглова. – Прим перев.)

Ульфила (IV век)

Ульфила считался еретиком из Малой Азии с недостаточно ортодоксальным представлением об Иисусе. После изгнания он стал миссионером среди воинственных готы, у которых было развито богословие священной войны. Ульфила не стал переводить Книги Царств в своем переводе Библии на их язык. Он переживал, что готы будут использовать эти книги для оправдания своих завоеваний.¹⁴² Я его понимаю. Как бы мы объясняли Книги Царств представителям уличных банд?

Бенедикт Нурсийский (VI век)

Бенедикт Нурсийский ок. 529 г. н. э. внес серьезные изменения в монастырский уклад жизни. Он направил мирян в самые худшие и жестокие места Европы и организовал их духовную жизнь вокруг работы, поклонения и учебы. Эти монахи не получали никаких средств из Рима. Они были самодостаточными, несмотря на то, что жили в самых мрачных районах Европы в темные века. Они духовно пробудили Европу и подняли экономику в своих регионах. В наши времена мы особенно нуждаемся в дарах бенедиктинцев! Я рассматриваю отдельные группы, наподобие «Американского народа Иисуса», как современных бенедиктинцев (они теперь состоят не только из католиков).¹⁴³

142 См. примечание в Stephen Neill, *A History of Christian Missions* (Harmondsworth, Middlesex: Penguin, 1964), p. 55.

143 Чтобы ознакомиться с «Уставом Бенедикта Нурсийского» см. *Documents of the Christian Church*, ed. Henry Bettenson (New York: Oxford University Press, 1947), pp. 164-81.

Тысяча лет неопределенности

Кеннет Скотт Латуретт создал немного тревожный портрет развития церкви. Он пишет, что с 500 до 1500 гг. н. э. церковь не росла. Она просто поменяла место жительства. Мы потеряли Африку и приобрели Европу. В 1500 году христиане занимали примерно такую же территорию, как и в 500 году.¹⁴⁴ Когда я размышлял о его исследованиях, стало ясно, что похожее происходит и в наше время. Но на этот раз мы меняем городские церкви на пригородные.

Индия (VII век)

Сегодня Индия находится между двух мусульманских стран: Пакистана на западе и Бангладеша на востоке. Я знал, что вся территория некогда была индийской, поэтому во время поездки в Индию я спросил образованного мусульманина, как ислам проник в эти регионы. Он показал мне карту региона и обратил внимание, что реки покрывают больше площади в Пенджабе и Бангладеше.¹⁴⁵ Индуистская элита свысока смотрела на других и подвергала дискриминации живущих у реки людей низшей касты. В VII веке мусульманские торговцы плыли по этой реке и начали выстраивать уважительные отношения с местным населением. В течение ста лет оба региона стали полностью мусульман-

144 Kenneth Scott Latourette, *A History of the Expansion of Christianity*, vol. 2, *The Thousand Years of Uncertainty*, A. D. 500–1500 (Grand Rapids, Mich.: Zondervan, 1970).

145 Моя встреча с этим человеком состоялась в Дакке (Бангладеш), в июне 1984 года.

скими – не благодаря каким-то клерикальным лидерам, а из-за дружеских отношений.

В 1994 году в Чикаго было семьдесят три мечети. В 1996 году, как мне сказали, число возросло более чем до ста сорока. Многие из них стоят там, где раньше были церкви. Сила ислама по-прежнему заключается в братском отношении, и она остается эффективной для мусульманской евангелизации, особенно среди людей, которые подвергались дискриминации со стороны христиан.

Франциск, Доминик и Иннокентий III (XIII век)

Франциск Ассизский прибыл к римскому папе в 1210 году и получил официальное разрешение на служение ордена Миноритов (Малых братьев) среди бедных и нуждающихся людей в Италии. Для Франциска вера заключалась в любви, проявляемой в служении на улицах.¹⁴⁶ Вскоре после этого французский ученый Доминик обратился к тому же папе за разрешением основать университеты, которые будут обучать богословов, способных исследовать божественные тайны. Для Доминика богословие означало любить Бога всем разумением. Проявления духовности Франциска и Доминика связаны друг с другом. Без хорошего богословия служение Франциска выродится в простой морализм. Без любви, проявляемой в делах, ученость Доминика станет сухой и скучной. Иисус использовал и того, и другого для исполнения великой заповеди: любить Бога и ближнего. Подлинная городская духовность должна включать в себя и то, и другое.

¹⁴⁶ Herbert B. Workman, *The Evolution of the Monastic Ideal* (London: Epworth, 1913).

Георг Блаурок в Цюрихе (XVI век)

Городской совет Цюриха приговорил анабаптиста Блаурока к изгнанию из города, в ответ на что тот провозгласил перед советом слова из Пс. 23, 1: «Господня земля!»¹⁴⁷ Разумеется, «земля» включала и Цюрих. Ни один человек или группа людей не владеют городом. Мне нравится это богословие территории. Вся земля принадлежит Господу, в том числе и то, что в мире принято считать труппабами.

Реформирование церквей и общества (XVI век)

В XVI веке существовало по крайней мере пять моделей реформ.¹⁴⁸

1. Савонарола из Флоренции считал, что евангелизация – способ реформирования церкви и общества. Предполагалось, что обновленные люди будут продолжать реформу в обществе и церкви.

2. Эразм ожидал, что образование духовенства приведет к реформе. В его времена было слишком много необразованных клириков, не знающих Библию. Предполагалось, что знание приведет к изменению образа жизни.

3. Концилиаристы, такие как Герсон и Д'Аилли, утверждали, что обновленные организационные структуры мо-

147 Cited in Franklin H. Littell, *The Origins of Sectarian Protestantism* (New York: Macmillan, 1952), p. 121.

148 Понять это мне во многом помогли модели Гордона Раппа: Gordon Rupp, *Patterns of Reformation* (London: Epworth, 1969), а также книги: Steven E. Ozment, *The Reformation in the Cities: The Appeal of Protestantism to Sixteenth-century Germany and Switzerland* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1975), and Bernd Moeller, *Imperial Cities and the Reformation: Three Essays* (Durham, N. C.: Labyrinth Press, 1982).

гут реформировать церковь. Предполагалось, что в папстве или других группах, которые незаконно присвоили власть, процветало нечестие. Обновленное руководство могло бы прекратить распространение нечестия и усилить влияние лидеров церкви.

4. Генрих VIII в Англии и кардинал Хименес в Испании обратились к светскому правительству с просьбой реформировать церкви. Законодательство, составленное в 1534 году, положило начало новой Англиканской церкви, а инквизиция очистила церковь в Испании. Предполагалось, что церковь требовала государственной помощи для эффективной реформы.

5. Анабаптисты считали, что решением была альтернативная церковь. Предполагалось, что существующую церковь невозможно реформировать.

Лютер и Кальвин использовали все пять стратегий, из-за чего я пришел к выводу, что сегодня нет какого-то одного способа обновить церковь или общество. Наши крупные города требуют всех пяти стратегий.

Бартоломе де лас Касас (XVI век)

Бартоломе покинул Испанию ради миссии на Кубе и Перу. Он не считал коренные народы менее достойными служения, поэтому он крестил и назначил их представителей для служения!¹⁴⁹ Между тем, еще в Испании перед королем

149 Мое представление об испанской миссии в Новом Свете совершенно изменилось под влиянием книги: Lewis Hanke, *Aristotle and the American Indians: A Study of Race Prejudice in the Modern World* (Chicago: Henry Regency, 1959). См. также Lewis Hanke, *All Mankind Is One: A Study of the Disputation Between Bartolomê de Las Casas and Juan*

Карлом V и Филиппом II ученый Сепульведа утверждал (как и Аристотель), что некоторые люди были рабами по своей природе. Он содействовал покорению и подчинению индейцев. Спор по этому вопросу продолжался более полувека, но в конечном итоге была принята система подчинения, больше включающая в себя экономическую составляющую. Богословие освобождения в наши дни представляет собой подлинное восстание, а не библейскую истину, однако оно направлено против аристотелевских представлений, применяемых по отношению к угнетаемым людям на протяжении сотен лет.

Роджер Уильямс (XVII век)

Роджер Уильямс из Провиденса переехал в Род-Айленд в знак протеста против пуританской экзегезы, которая рассматривала индейцев как хананеев и амаликитян в новом Израиле, штат Массачусетс. Уильямс примечателен также тем, что он изучил коренные языки этого региона. В то время, когда неуважение к коренным народам было серьезной международной проблемой, Уильямс был замечательным примером. Он также был основателем моей деноминации в 1639 году, Американской баптистской церкви.¹⁵⁰

Ginâs de Sepúlveda in 1550 on the Intellectual and Religious Capacity of the American Indians (De Kalb: Northern Illinois University, 1974).

¹⁵⁰ Я уже приводил некоторые работы Уильямса в первой главе. Вопрос о крещении Уильямса вызывал продолжительные споры. Лерой Мур в своей статье «Роджер Уильямс как неизменный образец для баптистов» (Leroy Moore, “Roger Williams as an Enduring Symbol for Baptists” *Church History*, 34, March 1965) обращает внимание на следующее: если он и был баптистом, то не остался им, и вместо него Джон Кларк, скорее, заслуживает чести называться «основоположником баптистов» в Америке. По мнению Мура, причина, по кото-

Джордж Лайл и Дэвид Джордж (XVIII век)

Джордж Лайл и Дэвид Джордж были двумя афроамериканцами XVIII века, бывшими рабами из Сильвер-Крика и Саванны, штат Джорджия, которых церкви направили в Вест-Индию, а затем в Канаду.¹⁵¹ Дэвид Джордж в конечном итоге основал баптистские церкви в Западной Африке. Это первые известные иностранные миссионеры, посланные из Соединенных Штатов, почти за два десятилетия до того, как Адонирам Джадсон отправился в Индию и Бирму. Для американцев очень важно не забывать, что у черной церкви всегда было миссионерское устремление.

Чарльз Симеон (XIX век)

Чарльз Симеон из Кембриджа умер в 1836 году, но после прочтения в 1961 году его биографии, написанной Х. К. Мюлем, я стал по-новому смотреть на то, каким может быть городской пастор.¹⁵² Симеон проповедовал бедным в течение пя-

рой Уильямс считается баптистом, это его взгляды на свободу вероисповедания и свободу совести. См. также книгу: William R. Whitsitt, *A Question in Baptist History: Whether the Anabaptists in England Practiced Immersion Before the Year 1641* [Louisville, Ky.: Charles T. Dearing, 1896], appendix). Уитситт приходит к выводу, что Уильямс повторно принял крещение в 1639 году и что это явно было сознательным крещением верующего. Однако он не находит подтверждений того, что крещение погружением практиковали до 1645 года, и поэтому приходит к следующему выводу: Уильямс, как и баптисты сегодня, верил в крещение погружением, но сам, вероятно, был крещен окроплением.

151 См. Mark A. Noll, *A History of Christianity in the United States and Canada* (Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1992), pp. 136-38.

152 H. C. G. Moule, *Charles Simeon* (Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1956).

тидесяти четырех лет. Он также писал книги, наставлял служителей, назначал капелланов на тюремных кораблях, направлявшихся в Австралию, и призывал своих помощников к миссионерскому служению. Он встречался с Питтом, Уилберфорсом, Муром, Венном и Чапемом, чтобы принять законы, отменяющие рабство. Рабство отменили сначала в Соединенном Королевстве в 1807 году, а затем во всей империи в 1837 году. В возрасте двадцати трех лет Симеон начал свое служение после трех лет изучения богословия. Я читал его биографию, когда мне было двадцать три года, и он стал для меня примером настоящего пастыря. Эта книга подтолкнула меня к тому, чтобы поехать в Чикаго и поступить в семинарию. Благодаря этой книге у меня сформировалось представление о служении в городе, которое объединяло научную и практическую (а также пасторскую и общественную) стороны служения.

Мотт и Муди (XIX век)

Ассоциация молодых христиан (YMCA) связала Джона Р. Мотта и евангелиста Дуайта Л. Муди долговременным партнерством со студенческими и екуменическими миссиями.¹⁵³ Мотт распространил YMCA во всех крупных городах, до которых можно было добраться поездом в XIX и начале XX веков. Я провел много консультаций в тех же городах столетие спустя и много думал о том, как этим двум мужчинам удавалось оставаться настолько целеу-

153 Charles Howard Hopkins, *John R. Mott, 1865-1955: A Biography* (Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1979), and James F. Findlay, *Dwight L. Moody, American Evangelist, 1837-1899* (Chicago: University of Chicago Press, 1969).

стремленными в своем городском служении. Это примеры, достойные восхищения.

Лорд Шефтсбери (XIX век)

Эрл Энтони Купер (1801–1885), известный как лорд Шефтсбери, большую часть своей жизни был эксцентричным человеком, но он изменил общественные структуры городов, а, следовательно, и их духовную жизнь. Он способствовал улучшению качества питьевой воды, реформировал общеобразовательные школы, создал первую психиатрическую больницу, установил десятичасовой рабочий день и отменил работу детей в шахтах. Для меня Шефтсбери и Чарльз Сперджен – две стороны одной медали городского служения в Лондоне XIX века – один в парламенте, а другой на кафедре Метрополитан Табернакл, где он мог проповедовать тысячам людей каждую неделю. Я думаю, что церковь Сперджена оставалась живой и здоровой в основном благодаря Шефтсбери.¹⁵⁴

Джейн Аддамс (XIX век)

Джейн Аддамс и ее подруга Джулия Лэтроп переехали в трущобы Чикаго 21 сентября 1889 года, имея с собой лишь скромные пожитки. Две недели спустя Аддамс столкнулась в своем доме с вором, для которого она быстро нашла другое занятие. Она создала предприятие по сбору мусора, чтобы обеспечить работой местных жителей. В семинарии она специализировалась на греческом языке, поэтому решила основать первый

¹⁵⁴ Georgina Battiscombe, *Shaftesbury: The Great Reformer, 1801-1885* (Boston: Houghton Mifflin, 1975).

греческий театр в Соединенных Штатах.¹⁵⁵ Ее история – это свидетельство о том, как Бог может использовать любые дары и знания для городского служения. Джейн Аддамс приехала в город с наивными представлениями и была незнакома с городской жизнью. Но она осталась здесь и многому научилась. Она основала Халл-хаус и стала покровителем социальных служений по всей территории Соединенных Штатов. С другой стороны, ее жизнь мне также напоминает, что служитель может быть очень расположен к некоторым этническим группам и предвзято относиться к представителям других рас (она много помогала выходцам из Европы, но не вполне понимала городских чернокожих).

Уолтер Раушенбуш (XIX и XX века)

Жизнь вынудила Уолтера Раушенбуша работать в нью-йоркском районе Клинтон, который также называют Адской кухней. Это заставило его пересмотреть собственное понимание Библии. Его еще называют основателем социального евангелия. Во время моей учебы в Институте Муди его так часто критиковали, что я смотрел на него предвзято. Затем я прочитал его труды и понял, что его библейские исследования достаточно ортодоксальны и актуальны с духовной и социальной точек зрения. Я также неожиданно для себя обнаружил у него интерес к миссии.¹⁵⁶ Знакомство с его жизнью и творчеством напоминает мне о необходимости быть осторожным и не отвергать на основании первого впечатления людей, чье служение отличается от моего.

155 Daniel Levine, *Jane Addams and the Liberal Tradition* (Madison: State Historical Society of Wisconsin, 1971).

156 Walter Rauschenbusch, *Christianity and the Social Crisis* (New York: Macmillan, 1913).

Дороти Дэй (XX век)

Дороти Дей положила начало Католическому рабочему движению после знакомства с бедными рабочими во время движения рабочих в Нью-Йорке и Чикаго. Она выросла в епископальной церкви, но вынуждена был признать, что коммунисты больше занимались организацией и помощью бедным, чем ее собственная церковь. Прожив какое-то время жизнью матери-одиночки, она посвятила свою жизнь Христу в католической церкви, где она познакомилась с прогрессивным католическим представлением о Божьей заботе в отношении рабочих. Я вспоминаю о ней сегодня, потому что самая быстрорастущая группа бедных включает в себя малообразованных и жертв глобальной экономики. Церковь может сделать гораздо больше в своих программах защиты и развития беднейших из бедных слоев населения, чем среди тех, кто остался без внимания со стороны социальных служб в западноевропейских и североамериканских городах.¹⁵⁷

В моем фотоальбоме также есть Мать Тереза и множество замечательных служителей XX века, из жизни которых я черпаю вдохновение и уроки. Это богословы, которые основывают церковь в больших городах во всем мире. В последние годы я добавляю в свой фотоальбом женщин, на которых долго не обращали внимания. Я также стал более внимателен к вкладу православных, католиков, харизматиков и других людей, которые вообще выпадали из поля зрения представителей консервативных кругов. Это величественное множество городских наставников значительно расширило мое понимание городского служения, которое я стал оценивать по-другому.

157 William D. Miller, *Dorothy Day: A Biography* (San Francisco: Harper & Row, 1982).

История как величественные развалины

К сожалению, вчерашние великие служения сегодня превратились в развалины. А те, которые все еще существуют спустя десятилетия или столетия, стали всего лишь пустой оболочкой изначального замысла. Эмиль Бруннер в своем двухтомном труде, посвященном богословию греха, благодати и спасения, привел пример, который помог мне задуматься над этим явлением. Если мы окажемся в центре Афин и посмотрим на Акрополь, чтобы увидеть Парфенон на заходе солнца, освещающего его сзади, мы можем подумать или даже сказать вслух: «Какие величественные развалины!»¹⁵⁸ Бруннер применил эту фразу к израненному грехом человечеству. Разумеется, это развалины, потому что разрушительная сила времени не обошла их стороной; но они великолепны, потому что на их месте были величественные и важные служения. Ваше воображение может заполнить пустое пространство, чтобы представить, чем это служение было или могло стать, если бы его можно было обновить. Поэтому, вместо того чтобы просто с сожалением смотреть на них, я стараюсь осмыслить эти служения в контексте своего времени.

Я не очень хорошо знал Бернарда Рамма, хотя спустя два десятилетия после него я служил в той же Данлэпской баптистской церкви в Сиэтле, что и он. Когда мы уходили из нее в 1965 году, церковь подарила нам старый стул, стоявший за кафедрой. Этот стул был напоминанием для меня о Рамме и о том, как в 1963 году его книга «Свидетельство Духа» заставила меня увидеть в себе исторического харизматика.

¹⁵⁸ Emil Brunner, *Man in Revolt: A Christian Anthropology* (Philadelphia: Westminster, 1957). Первое издание вышло в 1937 году.